

Фолк-эпистемология как программа исследования механизмов принятия знания

Статья рекомендована И.Ю. Алексеевой 16.02.2019.

ГОЛУБИНСКАЯ Анастасия Валерьевна

Кандидат философских наук, научный сотрудник научно-исследовательского отдела Института открытого образования Национального исследовательского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Аннотация

Данная статья представляет собой результаты анализа фолк-эпистемологии как направления современных исследований познавательной деятельности человека и постановки целей фолк-эпистемологического исследования. На примере нескольких случаев, почерпнутых из научной и исторической литературы, выдвигается гипотеза о том, что работа неэкспертного сознания с научным знанием не всегда поддается объяснению механизмами теории научного познания: последняя игнорирует неотъемлемые социальные и психические аспекты принятия знания. Показывается, что в информационном обществе фолк-эпистемологическая перспектива позволяет обнаружить ценностные сдвиги от истинности и обоснованности знания к потребности в знании, познавательному комфорту и доступности.

Ключевые слова:

фолк-эпистемология, народная эпистемология, эпистемическое поведение, принятие знания, познавательный комфорт, информационное общество, рынок интерпретаций.

Что такое понимать? Понимание можно назвать целью любого интеллектуального труда — труда школьника и учителя, переводчика и читателя, труда учёного. Понимание, вместе с тем, сопровождает человека не только в школьных классах и лабораториях, но и в повседневных действиях от простого понимания знаков дорожного движения до более сложных форм, например, сопереживания, сочувствия.

Похоже, что понимание всегда связано с взаимодействием: человек понимает мир, когда взаимодействует с окружающими объектами и явлениями, и понимает других людей, когда взаимодействует с ними, а когда он рефлексивирует над всеми этими взаимодействиями, то понимает самого себя. Выходит, что понимание связано ещё и с опытом. Например, известная собака Павлова пережила понимание при помощи многочисленного опыта воспроизведения одного и того же сценария взаимодействия с окружающим миром. Коперник, конечно, не взаимодействовал с объектами Солнечной системы, но взаимодействовал с их абстрактными моделями, в том числе применяя к ним опыт взаимодействия с доступными объектами, наблюдения за ними. Акт интуитивного понимания — малоизученный феномен, но, скорее всего, предшествующий опыт и «багаж знаний» играют какую-то роль и в этом случае.

Чаще о понимании говорят именно в этом контексте: собака Павлова, Коперник, озарение. Так происходит, вероятно, из-за того, что философский интерес к проблеме «как понять понимание» обычно связан с развитием именно научного знания. Мы, напротив, предлагаем обратить внимание на механизмы формирования знания в повседневном мышлении. Несмотря на то, что с середины прошлого века в различных исследовательских проектах выявляются детерминанты эпистемического поведения [1, с. 535; 2; 3; 4; 5], вряд ли можно найти хотя бы одно

полноценное исследование о том, что стоит вкладывать в само понятие эпистемического поведения. Возможно, это связано с тем, что поднятая проблематика длительный период рассматривалась как предмет интереса когнитивистов, психологов, педагогов и тем самым была ориентирована на практический, протоколно-инструктивный результат. Философское измерение познания, напротив, стремится к более глубокому описанию природы этого явления. Однако, в изоляции от других дисциплин любое из отраслевых знаний вряд ли можно назвать достаточным, – возможно поэтому призыв Д. Берлайна «Вперёд к теории эпистемического поведения» [6] за половину столетия не получил должного внимания. Сегодня же становится очевидным, что познавательная деятельность субъекта составляет существенную долю его социального бытия: в условиях перехода к информационным формам взаимодействия знание становится одним из самых значимых инструментов.

Примеры того, что на наш взгляд вполне соотносится с понятием познавательного поведения, составляют (и объясняют) мемуарную часть книги «Touching a Nerve» Патриции С. Черчленд [7]. Она обращает внимание на то, как сильно отличаются оценки состояния «знать» у разных людей. В первом случае принятое знание легко заменяется другими, полностью противоположными знаниями [7, р. 24]. При том сама ситуация замены, как описано автором, не в полной мере является «революцией знаний» для самого субъекта, поскольку перемена и погружение в новое информационное пространство сопровождается энтузиазмом, прозелитизмом и полной самоотдачей. Второй случай также касается противоречивых систем знаний, но связан не столько с переходом от одной системе к другой, сколько с созданием одной смешанной системы [7, р. 26]. Так, например, лакуны научной картины мира вполне бесконфликтно покрываются религиозными убеждениями, удовлетворяя потребность субъекта в полном и понятном объяснении окружающего мира. Этот пример несёт дух «кентавр-идей», в которых научный подход смешивается с идеологическим [8], но в пределах одного субъекта. Третий и четвёртый случаи, возможно, слишком точечны для возведения к термину «поведение», но тем не менее значимы для его определения. Оба из них затрагивают проблему преданности субъекта неким «познавательным идеалам»: в случае со Стэнли О'Коннор знание сохраняется ценой жизни и вопреки наличному опыту [7, р. 80], и совсем иначе складывается ситуация с носителем синдрома Клайнфельтера, для которого привычные представления не имеют никакой цены по сравнению с возможностью получить точное, правдивое, пусть и не очень приятное, объяснение [7, р. 29]. Понимание объективной картины происходящего оказывается более ценным, чем «познавательный комфорт» субъекта, то есть его готовность воспринять определённую информацию как истинную. Это, в свою очередь, ведёт к появлению необходимости в термине, который мы интуитивно можем обозначить как «познавательная зона комфорта».

А. М. Дорожкин отмечает, что различные элементы знания, даже откровенно противоречивые, все же могут образовывать некое, пусть не устойчивое, единство. В моделях трансляции знаний А. М. Дорожкина некомфортными знаниями являются «знания-бородавки», которые «мы с самого начала определяем его как некий антипод наличного, но, тем не менее, не можем отторгнуть» [9]. Для данной работы это наблюдение значимо тем, что бытие в пределах зоны познавательного комфорта, особенно в современном обществе, невозможно: потоки информации

разнообразны, субъект в них самостоятелен, и нет возможности отделить плеве-ла от всех попадающихся в этих потоках зёрен.

Комфортное знание связано не столько с правдой, сколько с желанием, чтобы что-то было правдой. Например, открытие У. Харви функций сердца настолько трудно принималось современниками, привыкшими к античной модели Клавдия Галлена, что многие согласились «ошибаться с Галленом, чем обнародовать истину с Харви» [10]. Признание этого открытия влекло за собой так много новых вопросов, что не прошло бы для научного сообщества безболезненно, в связи с чем ему стала близка идея о капитуляции перед заблуждением. Также у П. Черчленд мы находим аналогичный (пятый) случай с философом, восклицаящим «Я ненавижу мозг!» в ответ на прорывы нейробиологии в пространстве, занимаемом философией на протяжении многих веков [7, p. 13]. Капитуляция перед незнанием в авторской терминологии отражается через термин «*pay-saying*». К сожалению, найти аналог этого слова в русском языке не просто, но понимать его следует вполне конкретно, а именно — как проявление «слепого» скептицизма или радикального агностицизма, при которых сомнение и отрицание не имеют аргументации. «*Pay-saying*» — это преждевременное осознание своей беспомощности перед лицом сложного и непонятого явления. Автор приводит в пример выражение: «Сознание слишком сложно для человеческого понимания, так что можно и не пытаться его понять, это бессмысленная трата времени, мы никогда этого не узнаем». Сложно представить, как развивался бы мир, если бы подобный познавательный пессимизм обрёл глобальность. Тожество непознанного и непознаваемого было свойственно обществу на ранних этапах его развития, но эти недоступные объекты сегодня можно назвать пусть и не познанными до конца, но хотя бы в принципе познаваемыми. И в то же время, «*pay-saying*», в отличие от незнания, даёт именно знание, а именно знание о том, что познание тщетно. Но что это, как не манера работы с информацией, как не то самое эпистемическое поведение субъекта?

Каждый из приведённых случаев описывает ситуацию выбора субъектом реакции на появление нового знания. И в этом свете интерес представляют факторы такого выбора. Самое очевидное (для философа) объяснение, пожалуй, имеет случай с синдромом Клайнфельтера, где важнейшим критерием оценки стала достоверность знания, его очевидная связь с действительностью. Это поведение буквально является персональным выражением этоса классической науки: основной целью познавательной деятельности является поиск истины, которая согласуется с наблюдениями, а не с культурными предубеждениями [11, с. 770–781]. Пятый случай («лучше ошибаться с Галленом...») не соответствует мертоновским императивам, но тоже имеет вполне понятное психологическое объяснение, при том не нуждающееся в особом философском анализе: желание сохранить систему имеющихся убеждений и избежать когнитивных конфликтов вряд ли можно отнести к неординарным познавательным ориентирам повседневной жизни.

В этих примерах поднимается не только проблема физиологических и когнитивных способностей субъекта, но и вопрос о том, как вообще происходит принятие или усвоение знаний, — во-первых, *как мы знаем то, что мы знаем*, и во-вторых, *как мы думаем и говорим о том, что мы знаем*. При такой постановке вопроса предмет внимания, с одной стороны, обретает философский, и даже эпистемологический, смысл, но с другой стороны, не ограничивается им.

Ответы на поставленные вопросы можно искать по-разному. Один из вариантов предлагает исследовательская программа фолк-эпистемологии [12; 13, 14]. Как следует из названия, фолк-эпистемология отталкивается от теории познания. Общее у них действительно есть, и, скорее всего, им является объектный фокус изначального интереса: высказывания вроде «*p* истинно», «*p* вероятно», «*p* ложно» являются результатом именно эпистемологических процедур. Однако, с этого же пункта начинаются и различия. К. Хайнц и Д. Тараборелли, теоретики фолк-эпистемологии, предлагают [14, р. 477] различать эпистемологию и фолк-эпистемологию следующим образом: вторая фокусируется на эпистемических оценках, которые мы фактически совершаем и производим, независимо от норм и правил, это «естественная эпистемология», не регулируемая императивами экспертов.

Упрощённое представление научного знания в результате может не иметь ничего общего с оригинальной идеей. Таким примером может послужить фолк-знание об эволюционной теории Дарвина, ошибочно, но массово представляемой как линейная смена обезьяны человеком. Понимая, что это является примером массового заблуждения, с точки зрения фолк-эпистемологии мы не должны игнорировать тот факт, что это убеждение действует как знание, когда действует в неэкспертном сознании. Фолк-знания могут пользоваться терминологическим аппаратом знания, быть в разной степени некорректными, но, тем не менее, именно эти упрощённые репрезентации научного знания оказываются наиболее активными в познавательной деятельности обывателя.

Во-вторых, степень отклонения фолк-знания следует из количества и качества упрощённых экспликаций, то есть зависит от того, насколько необходимо упростить словесное выражение научного знания. Учитывая ранее изложенные замечания, можно предложить догадку, что понятность и комфортность как раз служат критериями его ранжирования:

- знание непонятно, следовательно, не принимается;
- знание непонятно, но и не «конфликтно» по отношению к другим представлениям, поэтому принимается;
- знание понятно, но не «конкурентоспособно» по отношению к уже имеющимся знаниям;
- знание понятно настолько, что способно изменить ранее сформировавшиеся представления.

Вряд ли вызовет сомнение то, что изначально формируется востребованность знания: когда нам ничего не известно о том или ином предмете, явлении, и возникает потребность в объяснении, знание не расценивается как комфортное или некомфортное, оно принимается в любом виде. Понятность следует из возможности сопоставления нескольких способов выражения знания. Так, например, при отсутствии подготовки « $\text{CH}_4 + \text{O}_2 \rightarrow \text{CO}_2 + \text{H}_2\text{O}$ » менее понятно, чем «при горении метана в кислороде образуются диоксид углерода и вода», однако сделать такое заключение можно только тогда, когда появляется шанс сравнивать несколько языков изложения знания. Комфортность же появляется тогда, когда прежде полученные знания формируют более-менее устойчивые связи, и появление нового элемента способно навредить им или разорвать их.

Попробуем рассмотреть эту модель на примере ранее приведённых случаев П. Чёрчленд. Один из случаев, в котором описывается смешение различных картин мира, теперь легко описывается как ситуация, в которой одно знание (в данном случае естественно-научное) понятно, комфортно и принято, а другое знание (религиозное) может быть и непонятным, но оно принимается, поскольку удовлетворяет познавательную потребность и ничему не противоречит: никакое другое знание не предлагало этому персонажу ответа на вопросы о природе сознания и души человека. История, рассказывающая о непрекращающейся смене убеждений, может быть описана по-разному: как востребованное знание, не удовлетворяющее критерию познавательного комфорта или критерию понятности, или как комфортное знание, не имеющее востребованности и не находящее применения. Обратный случай с синдромом Клайнфельтера служит примером острой потребности в знании, за счёт чего преодолевается и познавательный дискомфорт, и «эксplikативный порог», который в данном случае выражает переходный момент от непонятого объяснения к понятному. В конце концов, пятый случай, требующий от субъекта быстрой перестройки фундаментальных основ мировоззрения, может быть как понятным, так и непонятным, но однозначно некомфортным и невостребованным.

Фолк-эпистемология даёт серьёзное преимущество при исследовании процесса принятия знания: она предлагает новые категории, недоступные в теории научного познания, и обнаруживает новые свойства того, как человек работает и вообще может работать со знаниями. Особенно ярко это сопоставление становится в условиях хаотичного преумножения информации, ставшего частью современной медиа-культуры. По мнению Ч. С. Пирса, для человека состояние сомнения неестественно и некомфортно: сомнение — это тревожное состояние, свидетельствующее о наличии неудовлетворённой познавательной способности, через борьбу с которым человек жаждет перейти в спокойное и удовлетворённое состояние веры; сомнение стимулирует нас к действиям до тех пор, пока оно не будет уничтожено [15, р. 99]. Это предположение легко подтвердить на собственном опыте: вряд ли найдётся человек, который сможет сказать о себе «мои знания ложны, у меня есть сомнения по поводу их достоверности, но я продолжаю их знать». Эту линию продолжает и С. Блэкбёрн [16], в теории которого каждый субъект выбирает такое содержание правды, которое наиболее приятно и непротиворечиво и которое позволяет оставаться в состоянии веры, а не тревог сомнения. Именно в стремлении избежать этих неустойчивых состояний, субъект выбирает интерпретации, наполняющие его представления о правде. Выходит, что главное требование к этим фактам — это минимальный вред к уже сформировавшимся знаниям, как личным, так и коллективным, что опять же удовлетворяет признаку правды как представлений, которые вытекают из ценностей и убеждений группы.

Здесь становится заметным несоответствие. С одной стороны, мы имеем культуру, поточно производящую информацию и технологии, поддерживающие рынок интерпретаций этих знаний. С другой стороны, у нас есть «субъект Пирса», вся интеллектуальная работа которого направлена на сохранение убедительности имеющихся знаний всегда, когда это возможно. При этом, спрос на интерпретации мироустройства очевидно выше, чем предложение эпистемических монополий: религиозные сообщества имеют одни информационные потребности, любители астрологических прогнозов — другие. Для науки этих областей в принципе

не существует, но в условиях общего информационного пространства разные картины мира сталкиваются, взаимодействуют. Как взаимодействовать с тем, чем не существует? В этом смысле даёт полезное и максимальное безвредное решение, выводя понятие знания из исключительной власти теории научного познания, но не лишая его своего изначального смысла.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00061.

ЛИТЕРАТУРА

1. CARON A. J. **Curiosity, achievement, and avoidant motivation as determinants of epistemic behavior** // The Journal of Abnormal and Social Psychology. 1963. Vol. 67. No. 6. Pp. 535.
2. DAUKAS N. **Epistemic trust and social location** // Episteme. 2006. Vol. 3. No. 1-2. Pp. 109-124.
3. NAGEL J. **Epistemic anxiety and adaptive invariantism** // Philosophical Perspectives. 2010. Vol. 24. No. 1. Pp. 407-435.
4. KITCHENER R. F. **Piaget's epistemic subject and science education: Epistemological vs. psychological issues** // Science & Education. 1993. Vol. 2. No. 2. Pp. 137-148.
5. POLLOCK J. L. **Epistemic norms** // Synthese. 1987. Vol. 71. No. 1. Pp. 61-95.
6. BERLYNE D. **Toward a theory of epistemic behavior: Conceptual conflict and epistemic curiosity** // R. Harper, C. Anderson, C., Christenson, S. Hunka, (Eds.), The cognitive processes: Readings. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall. 1964. 350 p.
7. CHURCHLAND P. S. **Touching a Nerve: The Self as Brain**. NY: **W. W. Norton & Company**, 304 p.
8. ТОЩЕНКО Ж. Т. **Кентавр-идеи как деформация общественного сознания** // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 3-12.
9. ДОРОЖКИН А. М. **Модели трансляции знания** // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2004. № 1(3). С. 409-414
10. WRIGHT T. **William Harvey: A Life in Circulation**. NY: **Oxford University Press**, 2012. 288 p.
11. МЕРТОН П. **Социальная теория и социальная структура М.: АСТ**, 2006. 873 с.
12. GERKEN M. **On folk epistemology: How we think and talk about knowledge**. Oxford University Press, 2017. 952 p.
13. MERCIER H. **The social origins of folk epistemology** // Review of Philosophy and Psychology. 2010. Vol. 1. No. 4. Pp. 499-514.
14. HEINTZ C., TARABORELLI D. **Folk Epistemology. The Cognitive Bases of Epistemic Evaluation** // Review of Philosophy and Psychology. 2010. Vol. 1. No. 4. Pp. 477-482.
15. PEIRCE C. S. **The Fixation of Belief**. In: **Charles S. Peirce: Selected writings: Values in a universe of chance**. **Courier Corporation**, 1966. Pp. 91-112.
6. BLACKBURN S. **On truth**. London: Oxford University Press, 2017. 138 p.